

Все усилия последних дней, когда он трудился словно одержимый, та отчаянная спешка, из-за которой он едва не скатился с лестницы, и вся его робкая надежда вызвать на лице другого хотя бы тень улыбки — всё это Лян Чэн перечеркнул одной фразой, разом лишив всякого смысла.

Он был вне себя от гнева, от горькой обиды!

Рекомендательное письмо, ради которого он расшибся в лепёшку, превратилось в обычный клочок бумаги. Цяо Юаньлинь выхватил его, наклонился и подобрал остальные листы. Крепко сжав зубы, он постарался, чтобы его голос прозвучал как можно ровнее:

— Хорошо. Я понял.

Лян Чэн слегка повернул голову, опустив взгляд на угол стола. Там лежал пустой блистер от лекарства для горла. Девять ячеек. Вчера вечером Цяо Юаньлинь репетировал ровно девять раз.

Эта ссора переполошила Ван Жуйчжи, но пожилая женщина не стала подниматься наверх и вмешиваться. Она просто убрала приготовленный бульон в холодильник, понимая, что у внука сегодня вряд ли будет аппетит.

Вернувшись в свою комнату, Цяо Юаньлинь запер дверь, и его натянутые как струны нервы наконец расслабились. Он забрался на кровать, полупривалился к стене у изголовья, бессильно раскинув ноги, и уныло уставился в потолок.

Когда первая ярость утихла, ему стало невыносимо грустно.

В коридоре слышались шаги — Лян Чэн спустился вниз, и через мгновение из переулочка донесся удаляющийся рев его мотоцикла.

Цяо Юаньлинь достал из нагрудного кармана пуговицу. На ней было четыре маленьких отверстия. Он долго всматривался в них, пока перед глазами слегка не помутилось, а затем сжал пуговицу в ладони и закрыл глаза.

Должно быть, от усталости силы окончательно покинули его, и он уснул, уткнувшись подбородком в значок.

Он проспал весь остаток дня и всю ночь. Проснулся он с искрами перед глазами; его длинная шея затекла, а горло воспалилось так, что каждое движение кадыка отдавалось острой болью.

Ван Жуйчжи ушла на рынок за продуктами. Цяо Юаньлинь принял душ и спустился перекусить. Холодный десерт из папайи и персиковой смолы показался ему особенно сладким. Он неторопливо отправлял в рот ложку за ложкой, когда на телефоне зазвонил будильник, заведенный еще на прошлой неделе.

Будильник напоминал, что до экзамена по французскому языку осталась ровно неделя.

Неужели оползень всегда начинается с одного маленького камешка? В душевном равновесии Цяо Юаньлиня, которое, казалось, только начало восстанавливаться, побежала трещина. Он никак не мог понять: почему делам нет конца и края? И какой вообще прок во всей этой беготне?

Силы покидали его, он был готов сломаться.

Фарфоровая ложка со звоном упала на поднос. Цяо Юаньлинь даже не успел подняться — он вцепился в край стола, и его стошнило прямо на пол.

Щелкнул дверной замок, и в прихожую вошел Лян Чэн со шлемом под мышкой. Из-за бессонной ночи он выглядел уставшим. Почувствовав резкий кислый запах, он поднял голову и увидел испачканное лицо Цяо Юаньлиня, которого только что стошнило.

Парень, который раньше и стола-то за собой никогда сам не вытирал, теперь сжался на корточках в обнимку с коробкой салфеток и принялся убирать. Он возился так долго, что Лян Чэн, постояв немного, молча открыл дверь и снова ушел.

После этой ссоры в доме воцарилась гнетущая тишина.

Цяо Юаньлинь не избегал Лян Чэна намеренно, но просто понятия не имел, как теперь себя с ним вести. Он научился сам запускать стиральную машину, развешивать белье и складывать его, когда высохнет. Он по-прежнему занимался за письменным столом, но стоило Лян Чэну вернуться, как он тут же освобождал комнату.

Он не проронил ни слова, и Лян Чэн тоже не обращал на него внимания.

Впрочем, Лян Чэн и так почти не бывал дома: уходил еще затемно, возвращался глубокой ночью — выбивал для кого-то долги или занимался чем-то еще. Цяо Юаньлинь не знал этого и знать больше не желал.

Экзамен по французскому был назначен на субботу. Рано утром Ван Жуйчжи накрыла богатый стол, сочетавший китайские и западные блюда — тарелок семь или восемь.

Цяо Юаньлинь спустился, прижимая к себе рюкзак, и спросил:

— Бабушка, ты что, разбогатела?

— Откуда у меня богатство? Ты последние дни только пустой рис хлебал, чтобы желудок побережь, вот я и решила разнообразить твоё меню. — Ван Жуйчжи положила палочки для еды. — Будешь молоко или кунжутную пасту?

Цяо Юаньлинь хотел и то, и другое:

— Смешай молоко с кунжутной пастой.

— Ну и выдумщик, смотри, опять вырвет. — Ван Жуйчжи налила ему кунжутной пасты, то и дело поглядывая на лестницу. Она проснулась на рассвете, но Лян Чэн из дома еще не выходил.

Заметив на столе три пары палочек, Цяо Юаньлинь всё понял: бабушка устроила этот завтрак как примирительную трапезу. Он сделал вид, что ничего не заметил, разломил пирожок с мясом и принялся медленно жевать.

На заднем дворе снова кто-то громко ругался. Спустя минуту сверху спустился Лян Чэн. На нем были черная футболка и черные спортивные брюки — его привычный домашний наряд.

Ван Жуйчжи тут же позвала:

— Сю Лян, иди завтракать.

— Спасибо, не стоит, — ответил Лян Чэн.

— Ты же вернулся под утро, неужели не проголодался? — Ван Жуйчжи уже сыта была по горло молчаливым противостоянием этих двоих, поэтому пустила в ход право старшего: — Поешь хоть немного, не пропадать же моим трудам.

Стол ломился от еды, проигнорировать это было бы просто невежливо. Лян Чэн не стал расстраивать пожилую женщину и, подойдя, сел на свободный стул.

Тем временем крики в переулке достигли апогея. Легко было представить, как у спорящих покраснели лица от ярости. Напоследок раздался оглушительный вопль — настолько пронзительный, что невозможно было понять, мужчина это кричит или женщина:

— Если я еще хоть раз с тобой заговорю, я буду последним ублюдком!

Цяо Юаньлинь уткнулся в тарелку. Сочный пирожок выскользнул из его палочек и шмякнулся прямо в кунжутную пасту. Лян Чэн лениво жевал подгоревший тост. Горьковатый вкус окончательно перебивал аппетит.

Ван Жуйчжи попыталась завязать разговор:

— Сяо Лян, ты хоть и молодой, а сон беречь надо. Высыпайся.

— Хорошо, — отозвался Лян Чэн.

— Чем ты вообще занят целыми днями? — поинтересовалась Ван Жуйчжи.

Цяо Юаньлинь поднял голову и нахмурился, знаками показывая бабушке прекратить расспросы. Но та не заметила. Тогда он отодвинул пиалу и вклинился в разговор:

— Бабушка, я больше не хочу кунжутную пасту.

Практически одновременно с ним Лян Чэн ответил:

— Скупкой подержанного золота.

Ван Жуйчжи удивилась, но расспрашивать дальше не решилась. Она повернулась к внуку:

— Наелся?

— Да, — Цяо Юаньлинь вытер рот салфеткой. — Я побежал на экзамен, вернусь после обеда.

— Проверь, все ли документы взял. Будь осторожен на дороге и не покупай еду в уличных палатках, — напутствовала Ван Жуйчжи.

Обуваясь в прихожей, Цяо Юаньлинь достал из кармана пропуск на экзамен. Решив, что в сумке он будет целее, он расстегнул молнию, но тут поднял голову и заметил висевшие на крючке ключи от мотоцикла.

За дверью слышались шаги уходящего Цяо Юаньлиня. Лян Чэн допил молоко и помог Ван Жуйчжи убрать со стола. Вообще-то он собирался навестить Сяо Лэ, но раз ссора в переулке утихла, идти уже не имело смысла.

Цяо Юаньлинь вернется только во второй половине дня, так что можно было немного поспать

перед уходом.

Проходя мимо вешалки в прихожей, Лян Чэн случайно бросил взгляд на ключи и замер. Связка сиротливо пустовала — оберега «узел удачи», привязанного к кольцу, не было.

Он подошел ближе. Оберега нигде не было видно, зато на обувной тумбочке лежал забытый пропуск на экзамен.

«Вот же растеряха, ведь только что бабушка напоминала», — подумал Лян Чэн. Он набрал номер Цяо Юаньлиня. Ожидаемо никто не ответил. Набрал еще раз — снова тишина. Видимо, тот твердо решил оборвать с ним все связи.

Лян Чэн попросил позвонить Ван Жуйчжи, но и ее вызов остался без ответа.

— Вот же упрямый мальчишка, что же теперь делать? — запричитала пожилая женщина.

На пропуске был указан адрес: выставочный центр в самом сердце города. Если ехать на такси туда и обратно, то наверняка застрянешь в пробках. Лян Чэн погасил экран телефона, снял с крючка ключи, взял шлем и вышел на улицу.

Такси выехало на широкий проспект Минкан. Цяо Юаньлинь полулежал на заднем сиденье. На душе у него было беспокойно. По радио крутили дорожные новости: ведущий монотонно бубнил о массовом столкновении на въезде на скоростное шоссе.

Цяо Юаньлинь поморщился от раздражения:

— Водитель, вы не могли бы выключить радио?

— Ну нет, парень, мне за дорожной обстановкой следить надо, — отказался водитель. — Если раздражает, залипни в телефон.

Цяо Юаньлинь еще дома перевел телефон в беззвучный режим и засунул на самое дно рюкзака. Доставать его было лень.

На светофоре водитель спросил:

— У выставочного центра четыре входа. Тебе у какого остановиться?

— Сейчас посмотрю, — Цяо Юаньлинь не помнил точный адрес, поэтому расстегнул рюкзак. Но, обыскав все внутренние карманы, пропуска так и не нашел. — Странно... Я же точно его положил.

Он занервничал. Перерыл всё еще раз — пусто. Пытаясь восстановить события перед выходом из дома, он вспомнил: вот он видит ключи Лян Чэна, кладет пропуск на тумбочку для обуви, потом отвязывает узел удачи, а после этого...

Загорелся зеленый, и водитель, нажав на газ, проехал перекресток.

— Всё пропало... — испуганно затараторил Цяо Юаньлинь. — Шеф, разворачивайтесь, надо ехать назад!

— Раньше надо было думать, — недовольно проворчал таксист. — Мы только что проехали перекресток, а на этой улице разворот запрещен.

— И что же делать?

— Видишь вон то здание банка на следующем перекрестке? Только там повернуть можно.

Цяо Юаньлинь со своим отличным зрением взгляделся вперед, но разглядеть ничего не смог. Сверившись с часами, он понял, что с такой задержкой точно опоздает на экзамен:

— Водитель, до того перекрестка ехать целую вечность!

— А я ничего поделать не могу. Развернусь здесь — права отберут или штраф впаяют! — отрезал водитель.

Пока они препирались, радио разразилось очередной дорожной сводкой. Диктор вещал: «Вниманию водителей на проспекте Минкан! Пять минут назад на проезжей части был замечен мотоциклист, грубо нарушающий скоростной режим и совершающий опасные маневры. Будьте предельно осторожны и уступайте дорогу во избежание ДТП».

Водитель раздраженно зацокал языком и застучал пальцами по рулю:

— Терпеть не могу этих летунов. Бессмертные, что ли? Оседлают свой драндулет и мнят себя королями дороги!

Цяо Юаньлиню это не понравилось, и он буркнул:

— И что с того, что на мотоцикле?

— Да то и значит — опасно это! — водитель шлепнул ладонью по динамику. — Ты радио-то слышал? Прямо на нашей улице летит. Раз разложится на асфальте — сразу поумнеет.

<http://bllate.org/book/18284/1753041>